

Новиков Андрей Никитич

Барский двор

Повести и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Никитич Н.**
Барский двор: Повести и рассказы / Новиков Андрей Никитич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 192 с.

ISBN 978-5-521-25362-3

ISBN 978-5-521-25362-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

несло в молодости насмешливое барское слово. Любимая девка, Ольгушка, тогда же заплакала:

— Нешто я за него пойду-у-у-у, за бабу-у-у-у...

Женился он на другой. Девка была до того ряба,—будто черти на ее лице горох молотили.

Всю жизнь казалось, что люди только и делов делают—губами перебирают: баба. Запил с тех пор дедушка Миша—напропалую запил и пил с недругом—кумом Агапкой. Уйдут, бывало, в кабак, сдадут землю—пьют.

Поменяются кочетыками¹⁾. Кочетыку цена копейка. Могарычей—четверть с носа.

В избе у Аннушки-шинкарки крестины устраивали. Агапка укладывал дедушку Мишу на задней лавке:

— Ты, кум,—баба, роди-ка, вот, эту колодку. Она будет вроде ребеночка...

Сам Агапка засучал рукава, живот роженице правил...

— Я—повитуха...

Колоду крестили в ведре. После крестин,—водки полведра выставили: гостей созвали.

По утрам приходила рябая Евдошка,—жена дедушки - Миши,—ревела, Евдошка плакала, причитала, а Агапка подзадаривал:

— Ежели, кум - Мишка, ты не баба, дай ей в харю!..

¹⁾ Кочетык—инструмент, которым ковыряют лапти.

Дома, лежа на печке, дедушка-Миша жаловался внученку:

— Плохо, Савоська, жить в деревне. Никакой утехи в жизни нет. В городе лучше. Там, ежели в киятрах незаправдашную свадьбу разыгрывают—ничего. А твоя бабка за шутейские крестины поедом ест...

Опустит дедушка-Миша голову, задумается, задремлет. Савоське не понять дедушкиного горя. И он даже потешался над ним. Вытащит тишком из кармана трубку, привяжет дедушке позади за пояс. Захочет дедушка курить, полезет в карман—трубки нет:

— Савоська, ты трубку спрятал?

— Нет.

Пошарит по печке, поищет—не найдет.

— Ты, небось, спрятал, постреленок!

Схватит Савоську за уши, до боли оттянет.

— Да, она, дедушка, у тебя за поясом...

Каждый день Савоська трубку прятал, каждый день дедушка искал.

Дедушка-Миша не любил господам на глаза показываться. Поедет по улице барская тройка—прячется. Не доглядит сам,—Савоська прибежит:

— Схоронися, дедушка, господа на железной телеге едут!

Раньше Савоська любил «железную телегу». Барыня, когда проезжала из церкви, пятаки медные бросала. Наденет бабушка на Савоську красную рубаху, выведет на улицу:

— Кланяйся барыне.

Савоська на поклоны был туговат, стоял столбом. Как-то бабушка нагнула Савоську силой. Он упал, носом запахал землю. Поднялся, схватил брошенный барыней пятак, размахнулся, бросил бабушке в лицо. Бабушка зажала рот. Из губ сочилась кровь. Савоську била веревкой.

II:

Рос Савоська, как и все деревенские ребята—беззаботно: до семи годов без порток бегал, в лошадки играл. Задерет какому-нибудь мальченке рубаху сзади, тот бежит, пятками сверкая, по лошадиному гогочет: и-га-га! После дождичка грязь месил, деготь делал. Заберется в лужу, кружится, разболтает—жидкость блестками подернется.

Просторно, вольготно житье детское! Взапуски в обгонки играли.—Кто обгонит—тот царь. В цари никого Савоська не пускал, хоть не обгонит, скажет—обогнал... Забиякой был Савоська. Раньше ребята по дедушке дразнили:

— Савоська, бабенок, Савоська—грязный нос...
Услышит Савоська, убежит домой, плачет:

— Через тебя, дедушка, и меня бабой называют.

Дедушка по заведенному порядку вынет трубку, вытрет рукой мунштук, отдует дым:

— Гу-у-у, дурак!

С тех пор, как расквасил бабушке Евдошке пяточком губу—посмелел. Встал раз Савоська утром—голова вз'ерошенная, под носом черно. Вышел на задворки, Апроську соседкину увидел. Сидит она в лебеде, в куклы играет. Увидела Савоську, покосилась, встряхнула шершавой головой:

— Бабенок, бабенок!

Поковырял Савоська пальцем в носу, подошел, развернулся, ударил Апроську в ухо... Апроська плакала. Растопырила рученки драться—не одолела. После Апроськи,—кто бы не сказал—бабенок,—колотил всех...

Отучил дразниться ребяташек, до больших добрался. Проходивший как-то мимо Митька Гунявый обозвал бабенком. Савоська посмотрел вслед, схватил с заваленки кирпич, запустил Митьке в спину. Догнал Митька Савоську, да впору бабушка подросла,—разняла.

— Поделом тебе, Гунявый пес, не дразни малого.

Рос он без отца, без матери, без присмотра, каждый день озорничал. Кто гнев в парне разбудил, кто вложил в душу буйство,—не понять.

Сам Савоська понимал. Часто тосковал по матери, по отце. Хотелось, чтобы мать погладила по головке, прижала к груди, поласкала. Чтобы отец, как прочих мальчиков, посадил на лошадь верхом, полакомил пряником, привезенным с базара.

Но отца с матерью дома не было: на барском дворе, в бараках, жили.

Каждый день хотелось увидеть маму, но господа строги. Шалунов-мальчишек ноги на барский двор не пускали.

Не одну попытку сделал Савоська, к амбарам подходил. Собаки злые, кусались. По-долгу, издали смотрел Савоська на барский двор. Заманчив: крыша дома зеленая, конюшни каменные, сад... Небо голубым колпаком опустится за садом,—в колпаке — бугорочками, уступами тополя, сосны. Взглянет—не отведет глаз.

У канавы взбирался на макушку ветлы, подолгу всматривался в крыльцо барского дома и, когда появлялась на крыльце баба в синей юбке, надрылся во всю мощь, махая рученками, кричал:—мама! мама!

Баба в синей юбке шла к колодцу, набирала полные ведра воды, никогда не слышала Савоськиных слов: расстояние большое.

Савоська соскакивал с ветлы, ложился в канаве на траве—плакал.

Наплакавшись, шел полем в барскую рощу. Покувыркается в траве, наберет сосновых шишек—разбрасает. Через рощу тропинка в сад. Перескочит ручеек, заберется в колючие акации, прислушается. Глянет—яблоки ядреные, румяные. Взойдет на яблоню, потрясет за сук, яблоки о землю: тук, тук. Спрыгнет, подберет, наложит за пазуху—убежит. Идет по деревне, ребяташек подзадоривает, яблоко

за яблоком бросает ребятам на захват. Ребята отнимают яблоки друг у друга, дерутся. Савоська смеется. Один раз не до смеху: садовый сторож закатил в спину Савоське из ружья солью. Щипало, жгло. Савоська плакал.

Надел портки,—в пастухи отдали. Утром принесла мать на дворню сонного, поставила на ноги.— Савоська упал на землю—спит. Подняла мать, поставила—держит за плечи—стоя спит. Сладок сон был. Солнышко выставило кровавой краешек, словно девка верхнюю губу закусила, — теплотой повеяло.

III.

Пастушья жизнь и горькой и отрадной бывает. На барском дворе пастухов много. Кольке—конному пастуху—весело живет. Свинуху Ваньке—горько.

Пойдет Ванька вечером к девкам в сарай,—не принимают.

— Уйди, паршивец, от тебя свиньями обдаст.

Поплачет Ванька в уголке,—спать пойдет. Жаловался матери, не поверила.

— Ничего, сынок, и свиньи—скотина полезная.

Савоське в первые дни без привычки плохо жилось. Гуси—колгатная птица. Выгоняет — поднимают гвалт:—кага, кага.

Привык, стало лучше.

Когда выгонял с загона гусей, тарашил глаза,

смеялся. Гуси плотно жались друг к другу и казалось, будто это не гуси, а снежная поляна, оставшаяся после зимы.

Загонит гусей в пруд, снимет рубашку, сам болтывается в воде. Надоест, срежет хворостинку, дудки делает. Занятное дело и простое: надрезал кругом шкурочку, постучал слегка ручкой ножичка, чуточку повернул—сползла. Заложил отрезанный жербиек, заткнул другой конец, вложил в рот—заиграло.

Перестанет дудеть, в логу диких уток ищет.

Дикая утка—птица хитрая. Спрячет яйца,—не найти. Спускается, будто, в одном месте, а пойдешь на это место,—пустота. Для отвода глаз спускается так. Спустится и убежит бегом туда, где яйца.

Беззаботно жил Савоська: во время обеда с ребятами играл, вечером—девичьи песни слушал.

В один жаркий день, когда солнышко третий пот с лица сгоняло, гуси переплыли на ту сторону, где посеяна пшеница. Савоська разделся, переплыл пруд, вышел на берег вернуть гусей. Смотрит—барыня на бричке едет. Шарахнулся в кусты—спрятался. Заколело, загло тело. Выскочил из кустов:

— Крапива! крапива!

Метнулся в пруд,—пуще жжет. Выскочил—тело горело. Вдулись волдыри. Заплакал, и голышем побежал на дворню к матери. На дворе смеялись рабочие. Прибежала мать. Подняла на руки, гладит по голове, смеется. Савоська плакал больше.

Мать расспрашивает и, вместе с рабочими, хочет.

Савоська рассердился на мать, на рабочих, плакал без умолку. Но с той поры, будто бы по за року, не плакал.

Уснул как-то у пруда. Гуси вошли в пшеницу. Под'ехал Афанасьич,—приказчик барский—соскочил с лошади, вырвал волос клоком. Савоська молчал. Затем он посмотрел на Афанасьича исподлюбья, отбежал на несколько сажений. Когда Афанасьич от'езжал, Савоська шевельнул губами:

— Ладно, я тебе припомню.

Савоська взаправду припомнил. Выгнал раз гусей после обеда. Солнце пекло. Искупался в пруду, прилег под ветлочкой у плотины, смотрит. Гуси тихо, тихо плавают, а за ними вода как-то легонько в обе стороны полосками раздвигается. Поглядел немного Савоська на воду, грустно стало.

Набрал сухого помета, зажег спичку, костер развел. Разгорелся костер, жар подернулся седым пеплом.

Под'ехал незаметно Афанасьич.

— Ты опять, постреленок, картошку воровал, а?

— Тут не картошка, это я так, жар развел.

Афанасьич глазастый человек,—не обманешь его.

— Не хочется мне с лошади слезать, я бы надрал тебе уши.

Лошадь под Афанасьичем ногами топала, головой мотала. Свернул он кое-как сигарку:

— Разожги - ка конец палки, дай мне прикурить.

Накалил Савоська конец палки до-красна.

— Прикуривайте.

Подал Афанасьичу палку обратно. Глядит Савоська—много жару на конце. Быстро что-то мелькнуло в голове. Еще раз посмотрел на конец палки—тлеет жар. Вспомнил обиду. В глазах зарябило. Ткнул горячий конец палки лошади под хвост. Лошадь вздернулась, прижала хвост, сломила кончик угля, понеслась, во всю прыть, по полю. Вылетел Афанасьич из седла, застрял одной ногой в стремени...

Посмотрел Савоська вслед, напугался, бросился бежать. Убежал в рожь к мельнице. Вечером Савоську нашли мужики: всем селом искали.

Мать плакала. До жгучей боли хлестала веревкой.

— Мошенник,—Афанасьича в больницу отвезли. Нас-то с отцом с барского двора прогонят...

Мать с отцом перешли к другому помещику, далеко от родной деревни, а Савоська больше возненавидел барский двор, барского приказчика,—Афанасьича.

Когда по деревне проезжала барская тройка, он уже не прятался, а выходил на улицу, закладывал в рот два пальца, свистал.

IV.

В школе Савоська тоже был парнем задорным и драчливым. Где какого великана-мальчика во время переменок под ногу подшибет, а то—малышу нос расквасит.

Учитель и ругал и любил его. Любил за то, что в учении шел первым. Училище Савоська полюбил крепко.

В первый год учения, на пасху, у всенощной с Макаркой,—Агапушкиным сыном, с'озорничали напропалую.

Афанасьич привез у заутрени освящать барский кулич, поставив его под лестницей, что ведет на колокольню.

Савоська локтем толкнул Макарку.—Вышли.

Вытащили кулич за ограду. Треугольником вырезали дно. Мякиш вытянули, попихали в карманы. Кулич поставили на место. Стали господа разговляться. Разрезали кулич—ахнули. Вместо кулича—одни корочки. Старая барыня плакала, ругала Афанасьича. Когда приехал поп с иконами,—жаловались. Решили куличей больше в церкву не возить, а освящать их у себя, дома, в субботу под пасху.

Может быть, никто и не узнал бы, кто барский кулич с'ел, но Макарка в этот день проболтался ребятам:

— Мы с Савоськой барскую пасху выдолбили. Ой, скусная. Дюже скусная.